

УДК 177.3

ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ ГЕНДЕРА: ВЛИЯНИЕ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО СУБЪЕКТА¹

Самовольнова О. В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ovsamovolnova@gmail.com

В статье анализируется, как перформативные речевые акты, в том числе молчаливые, формируя дискурсивные конструкты нормальности или ненормальности, влияют на формирование гендерного субъекта. Это определяет актуальность работы, учитывая современную трактовку гендера как результата многочисленных перформативных актов. Новизна работы состоит в использовании методологических подходов в области гендерных исследований для анализа современных социальных процессов. Гендер рассматривается как перформативная репрезентация и процесс субъективации, осуществляемые дисциплинарным дискурсом и интерпеллятивным обращением власти в контексте социо-культурных практик. Отмечается, что государство играет ключевую роль в формировании необходимого гендерного субъекта, поскольку большая часть нашей жизни проходит в пространстве, которое регулирует государственный аппарат. Данный процесс осуществляется не только через речевой дискурс, но даже в случае молчаливой интерпелляции, когда никто не произносит ни слова. Например, в процессе заполнения формуляров, анкет, при цензуре, приеме на работу, в газетных статьях. Описывается, что для того, чтобы субъект был признан социумом, необходимо, чтобы он был сконструирован в рамках заданных государством норм, в том числе телесных, и прошел активацию в поле появления гендера. Данный механизм рассматривается на примере контроля за женскими телами, которые подвергаются постоянной стигматизации, стандартизируются и маркируются по тем или иным признакам нормальным или ненормальным в зависимости от целей государства. Однако гендерным репрессиям подвергаются не только женщины, но и национальные, религиозные и сексуальные меньшинства, а также пенсионеры и дети

Ключевые слова: гендер, перформативность, интерпелляция, пол, субъективация

Гендерная проблематика сегодня охватывает все сферы взаимоотношений. Сложно найти такую область, где не было бы заметно воздействие гендера и всего того, что с ним связано, на ключевые процессы: социальная и экономическая области, политическое управление, культура, государственная идеология, СМИ. В данной статье не стоит задача дать обзор концептуального развития гендерной теории. Мы хотели проанализировать связь между речевыми актами и конструированием необходимого гендерного субъекта, показать, что даже

¹ Позиция автора может не совпадать с позицией редколлегии журнала

бессловесные высказывания влияют на субъективацию. Мы стремились показать связь между политическими процессами и формированием гендера. Это, на наш взгляд, является актуальным, учитывая современную трактовку гендера как результата многочисленных перформативных актов, к которым, безусловно, относятся и дискурсивные: как социальные, так и политические высказывания. Новизна работы определяется использованием ряда методологических подходов, сформированных в области гендерных исследований для анализа современных социальных процессов. Это позволило, в частности, по-другому взглянуть на нормативы школьной формы для девочек и рассмотреть эту проблему как политическое высказывание, цель которого – начать формировать необходимый гендерный субъект уже в раннем возрасте. При этом мы полагаем, что возможно оставаться в границах законодательства РФ, в частности, закона, устанавливающего ответственность за «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», и одновременно – обсуждать гендерную проблематику на теоретическом и методологическом уровне.

Термин «перформативность» ввел британский философ Джон Остин. Он выделил высказывания, которые порождают то, что они утверждают (иллокутивные), и высказывания, которые заставляют ряд событий произойти после произнесения (перлокутивные). Последний тип утверждения получит название «перформативные». Такие высказывания не являются бессмысленными, они не могут быть ни истинными, ни ложными. Тот, кто произносит перформативы, совершает эти самые действия. «Когда я говорю “я называю это судно «Королева Елизавета»”, я не описываю церемонию именованья, но тем самым, собственно, именуя; когда я произношу “да” (“я беру эту женщину в законные жены”), я не сообщаю о свадебной церемонии, но тем самым, собственно, связываю себя узами брака» [1, С. 264]. К перформативным утверждениям относятся всевозможные вердикты и оценки, утверждение о взятии на себя обязательств или наложении их на других, договоры, правовые нормы и ряд других. При этом перформативное действие от произнесенных утверждений происходит независимо от желаний произносящего их. Самым простым примерами являются декларация войны, мира, судебные вердикты, объявление о заключении брака.

Американская исследовательница Джудит Батлер использует теорию Остина для концептуализации гендерной теории. По Батлер, гендер не является сущностью личности, неким аутентичным ядром, это не то, чем мы являемся на самом деле, а, напротив, «перформативная репрезентация, представляющая собой то, что мы совершаем в данный момент времени» [1, С. 6]. В теории Батлер гендер устанавливается в момент, когда медицинский персонал объявляет родившегося ребенка мальчиком или девочкой. И даже если этого объявления по каким-то причинам не было, то в дальнейшем гендер формируется заполнением многочисленных бланков, справок, через свидетельство о рождении. Наша жизнь начинается с фиксации гендера через дискурс, через перформативные высказывания. Французский лингвист Эмиль Бенвениста утверждает, что не существует ни одного перформативного утверждения, которое не являлось бы действием, всякое перформативное выражение речи есть акт власти [3]. Наша

идентичность вынужденно воспроизводится через язык и действия, через жесты, символы, через нормативные культурные акты. Так, по мнению американского социолога Джорджа Мида, «символизация конституирует объекты, которые не были конституированы прежде и не существовали бы, если бы не контекст социальных отношений, в котором происходит символизация. Язык не просто символизирует какую-то ситуацию или какой-то объект, которые бы заранее уже имелись налицо; он делает возможным существование или появление этой ситуации или этого объекта. Ибо он есть часть того механизма, в котором эта ситуация или этот объект только и создаются» [4]. Батлер отвергает существование додискурсивного «я». По ее словам, «гендерная идентичность не просто отражается в неких символах и ритуалах культуры, но формулируется непосредственно в момент “цитирования” этих символов и ритуалов, то есть в момент, когда символы и ритуалы существуют как дискурсивные акты» [5]. Идентичность для Батлер – не сущность вообще, а действие. У гендера? в отличие от пола, отсутствует предзаданность, он конструируется благодаря повторению игровых и перформативных практик, благодаря усвоению существующих в социуме норм, а воспроизводится в обществе за счет различных интерпелляций.

Батлер обращается к теории Луи Альтюссера. Субъект, согласно Альтюссеру, формируется в ответ на обращение, интерпелляцию (l'interpellation) власти к конкретному индивидууму. Подобное обращение может быть банальным окриком полицейского: «Эй, вы, там!». И в тот момент, когда окликаемый индивид оборачивается, и происходит субъективация. В самом развороте происходит признание индивида, что обращение адресовано именно ему, а не кому-то другому. В работе «По ту сторону интерпелляции» Мадлен Доллар пишет, что альтюссеровская интерпелляция базируется на преобразовании доидеологического состояния в идеологическое, которое после завершения процесса стирает следы своего существования, вселяя в субъекта веру в собственную автономность и причину самого себя. «И дискурсивное производство гендера показывает, что сращение <...> иллюзии, с реальностью настолько тесна, что абсолютно все, связанное с полом, как правило, кажется естественным, и любое отклонение должно казаться пугающим <...>, даже если речь всего лишь об отказе следовать явно неустойчивым конвенциям, существующим, например, в рамках моды и одного поведения» [6, С. 107]. По Альтюссеру, мы все всегда уже являемся субъектами и постоянно используем практику ритуального идеологического узнавания, которое дает нам гарантию, что мы – это действительно мы, что мы являемся отдельными субъектами, которых нельзя спутать с кем-либо другим/или заменить на другого. Альтюссер затрагивает гендерную проблематику (хотя она и не является темой его исследований). Он замечает, что «индивидуум всегда-уже является субъектом, еще до своего рождения, – это простая реальность, доступная каждому, в ней нет ничего парадоксального. <...> Таким образом, до своего рождения ребенок – это всегда-уже субъект, предписанный бытию особой семейной идеологической конфигурации, в которой его “ждали” после того, как он был зачат. Стоит ли говорить о том, что эта семейная идеологическая конфигурация структурирована в своем целом и что именно в этой неумолимой и более или менее “патологической”

(если можно употребить тут этот термин) структуре упомянутый будущий-субъект должен “найти” “свое” место, то есть “стать” тем сексуальным субъектом (мальчиком или девочкой), которым он уже заранее является» [7]. Согласно теории Альтюссера, формирование субъективной идентичности возможно только в рамках идеологии, действующей в том или ином типе идеологического аппарата государства. Альтюссер предлагает не только разделять государственную власть и государственный аппарат, но и ввести «другую реальность, касающуюся непосредственно (репрессивного) государственного аппарата, но не смешивающуюся с ним. Эту реальность мы будем называть идеологическими аппаратами государства» [7]. Альтюссер предлагает отличать их от репрессивного аппарата государства: правительства, армии, судов, тюрем и т.д., поскольку данные службы чаще всего функционируют, прибегая к помощи насилия. Идеологические аппараты государства (далее – ИАГ) есть «некоторое количество таких реальных явлений, которые предстают непосредственному наблюдателю в форме различных специализированных общественных институтов». К данным институтам относятся такие аппараты, как религиозный, школьный, семейный, политический, профсоюзный, юридический, информационный и культурный. В отличие от репрессивного аппарата идеологический функционирует с применением идеологии. Альтюссер пишет: «...можно констатировать, что если унифицированный (репрессивный) государственный аппарат целиком принадлежит общественной сфере, то значительная часть ИАГ (в своем очевидном рассредоточении), наоборот, относится к сфере частной. К этой сфере принадлежат церкви, партии, профсоюзы, семьи, некоторые школы, большинство газет, предприятий культуры и так далее» [7]. Современный австралийский социолог Рэйвин Коннел также видит в государственном аппарате важную роль в формировании гендерного субъекта. В своей работе «Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика» Коннел критикует современных исследователей, занимающихся вопросами гендера и конструирования гендерного субъекта, отмечая, что они (исследователи) чаще всего фокусируются на отношениях между людьми, игнорируя при этом роль государства. По мнению Коннела, это ошибочная методика, которая не позволяет нам до конца понять суть функционирования гендерной политики - ведь большая часть нашей жизни проходит в пространстве, которое регулируется государством. «Государства пытаются контролировать сексуальность: криминализируя гомосексуальность, законодательно устанавливая брачный возраст, юридически регулируя меры по предотвращению венерических заболеваний, СПИДа и т. п. Вторжение государства в половое разделение труда охватывает широкий спектр вопросов – от поддержки иммиграции до проведения политики равных возможностей. Государство регулирует рабочие места и семьи, обеспечивает возможность учиться в школе, строить дома» [8, С. 172]. Коннел выделяет четыре подхода к определению роли государства в гендерной политике: либеральный, дискурсивный, марксистский и патриархальный. Не будем останавливаться подробно на описании каждого из них. В данной статье нас интересует лишь второй, дискурсивный, связанный с именем Мишеля Фуко. Данный подход рассматривает государство в качестве аппарата для регуляции и доминирования.

Государство является аппаратом социального контроля, который влияет на гендерную политику через властные дискурсы. По мнению Коннел, подобная позиция «позволяет выйти за пределы представления о государстве как организации и обратиться к тому, как оно действует и как связано с повседневной жизнью» [8, С. 174].

Вернемся к теории интерпелляции. Джудит Батлер, анализируя теорию Альтюссера, считает, что она не объясняет то, по какой причине окликаемый субъект оборачивается. «Примечательно, что Альтюссер не дает и намека на то, почему этот индивидуум оборачивается, принимая голос как обращенный именно к нему или к ней и принимая субординацию и нормализацию, этим голосом вызванные. Почему субъект оборачивается на голос закона и каковы последствия такого оборота для инаугурации социального субъекта? Виновен ли этот субъект, и если да, то как он стал виновным? Необходима ли теории интерпелляции теория совести?» [9, С. 11]. Кроме этого, теория Альтюссера наделяет перформативной властью голос, то есть язык в форме речи. Но что делать с в этом случае с языком письменного дискурса или же с дискурсом бюрократической системы, где голос отсутствует? Отвечая на эти вопросы, Батлер приходит к заключению, что процесс интерпелляции осуществляется не только на уровне подчинения властному оклику, но и на уровне отрицания/отказа, когда окликаемый оборачивается только для того, чтобы опротестовать, объявить об ошибке: «Нет, это не я!». Однако во втором случае, интерпелляция оказывается более действенной, поскольку субъект не до конца уверен в коннотации самого оклика, содержит ли он в себе оскорбление или же имеет позитивное содержание. «Когда тебя окликают как “женщину”, “еврейку”, “ненормальную”, “черную”, “мексиканку”, то это можно услышать и интерпретировать и как подтверждение [твоей идентичности], и как оскорбление – в зависимости от контекста, в котором происходит оклик ... Имя прозвучало, и я уверен(а), что это мое имя, но оно не мое. Имя прозвучало, и я уверен(а) в том, что это имя мое, но оно включено в чью-то непонятную мне речь, или хуже – это кто-то кашлянул, или хуже – это двигатель какой-то машины издал звук, на мгновение напомнивший человеческий голос. Или же я уверен(а), что никто не заметил моей идентичности раздастся вовсе не мое имя – это просто кашлянул прохожий, это высокий тон, изданный механизмом, – и пусть это мое имя, но все же я не признаю себя в субъекте, что в этот момент учреждает это имя» [9, С. 12]. Углубляясь в анализ теории интерпелляции Альтюссера, Батлер приходит к выводу, что наиболее эффективной интерпелляция оказывается в случае отсутствия вообще каких-либо речевых высказываний: процесс интерпелляции происходит даже там, где никто не произносит ни слова, а субъект не оборачивается. «Можно интерпеллировать, поставить на место, указать место посредством молчания, через неадресование, и это становится ужасающе очевидно в ситуации, когда мы предпочли бы быть униженными, чем чтобы к нам не обратились вообще» [9, С. 12]. Это особенно проявляется при приеме на работу, заполнении различных бюрократических формуляров, в цензуре, а также, по мнению Батлер, в политике по отношению к сексуальным и национальными меньшинствам, к которым применяют не строгие дисциплинарные методы, а формы непризнания и игнорирования нужд и прав.

Именно поэтому представители гей и лесбийских и прочих социальных движений используют в своей социальной деятельности практики активной, а иногда и агрессивной репрезентации. Интерпелляция не только субъективирует индивида, внушая ему страх и требуя соблюдения буквы закона, но и персонифицирует его в социальном пространстве, тем самым подтверждая сам закон или же ставя его – закон, – под сомнение или же вовсе его разрушая. Процесс формирования гендерной идентичности через документы и дискурсивные акты осуществляется за счет психологического и социального внушения и приучения к нормам. «Они воздействуют, когда мы едва ли ожидаем, и они сопровождают нас, стимулируя и структурируя наши собственные формы реакций. Такие нормы не просто отражаются на нас, словно бы помечая и клеймя как пассивных реципиентов культурного механизма. Они еще и “производят” нас, но не в том смысле, что они порождают нас или строго определяют, кто мы есть. Скорее, они оформляют жизненные модусы телесного существования, которые мы со временем приобретаем, и сами эти модусы телесности могут оказаться способами оспорить эти нормы или даже преодолеть их» [10, С. 34–35].

Перформативный характер гендера подразумевает наличие поля его активации и/или появления. Именно в рамках определенного, иногда даже ограниченного пространства гендер получает возможность получить признание. Поле перформативного появления гендера регулируется заданными нормами в обществе, которые определяют стандарты, в том числе телесного соответствия норме. Особенно это проявляется в контроле за женским телом. Обратимся к досоветской и советской повседневности, где контроль за девочками начинался еще на уровне школы через строгое соответствие принятым нормативам в школьной форме. Лилия Зиновьева, анализируя российскую форму в разное время, отмечает, что дореволюционные комплекты для учениц в различных гимназиях по большей части мало отличались друг от друга, состоя в основном из длинных шерстяных платьев оттенков коричневого и синего, фартука, съемных нарукавников и пелеринки, закрывающей шею. Подобная форма напоминала одеяние горничной, гувернантки или учительницы. «Сходство гимназического наряда с одеждой прислуги, горничной, несомненно, бросалось в глаза современникам, заметно оно и сейчас. Но дело не только во внешнем сходстве, дело в том, как сама структура такого платья осуществляла власть взрослого мира по отношению к девочке, определяла ее тело и ее судьбу. <...> Форменное платье заранее указывало девушке ее будущее место в социальной структуре. Гимназическое образование, а в большинстве гимназий существовали дополнительные педагогические классы, готовило девушку именно к этой деятельности и этой социальной роли – роли гувернантки, учительницы, классной дамы. <...> Естественная детская подвижность схватывалась такой формой как дисциплинарной рамкой. Она заключала живое и подвижное детское тело в темный длинный, сковывающий движения футляр. В форме должно было быть неудобно, она должна была мешать ребенку двигаться свободно, сдерживать движения, иначе ее дисциплинирующая функция не могла бы осуществиться. <...> Гимназическая форма выполняла для девочек и девушек еще одну, очень важную задачу. Она служила средством формирования корпоративной идентичности и,

соответственно, подчеркивала социальный статус обучающейся» [10]. Также строго регламентировались женщины с полными телами. Их фигуры считались не соответствующими нормам, поэтому регламентировались в социальном дискурсе. На страницах журналов женщинам с избыточным весом давались рекомендации по выбору одежды, аксессуаров, манере ходить, жестикулировать, как стричься, какой макияж наносить. «В результате для полной женщины создавалась ситуация тотальной поднадзорности, когда она непрерывно ощущала на себе бдительный взгляд коллективного Другого, носителя нормативно-властного дискурса, если говорить в терминах Мишеля Фуко. Это, естественно, развивало в ней чувство вины за то, что она выбивается из нормы, и порождало мучительный комплекс неполноценности» [11]. Полные женщины должны были тщательно скрывать свою фигуру. Им не советовали носить облегающие блузы, подчеркивать талию, надевать короткие юбки и туфли на высоких каблуках, при выборе тканей советовали отдавать предпочтения темным оттенкам и мелкому орнаменту. Все рекомендации были направлены на то, чтобы полные тела не привлекали к себе внимание. Таким образом, если полная женщина хочет быть признана в социуме, то ей необходимо найти возможность соответствовать нормам. Подвергалась жесткой критике в Советском союзе и западная мода на брюки в гардеробе женщин. Идеальной одеждой для женщины считаются удлиненные платья с широкой юбкой и тугим поясом. Сегодня несмотря на то что брюки стали уже постоянными и привычными элементами женской моды, а такой сугубо мужской элемент костюма, как галстук, появился в женском туалете не только на шее, но и в качестве пояса, тем не менее, многочисленные варианты платьев и юбок продолжают доминировать в женской моде. Многие дизайнеры выпускают коллекции, в которых популяризируются тема материнства, декларируемого в качестве единственного «женского предназначения». Модный дом Dolce&Gabbana выпустили коллекцию осень-зима 2015-2016 гг. под слоганом «Да здравствует мама». На подиуме вместе с моделями, в том числе беременными, выходили дети, а в коллекции не было ни одного брючного костюма. Главным элементом декора на всех нарядах была красная роза, которую по традиции дарят в День матери, а многие платья были украшены принтами в виде детских рисунков. Современное российское государство, поставившее перед собой цель повысить рождаемости, усилило дискурсивный контроль за женским телом. На законодательном уровне это проявилось в виде так называемого патриархального разворота в политике контроля за рождаемостью. В течение последних 10 лет изменилось отношение к семье и рождению детей. Были реализованы многие законодательные инициативы, основная цель которых – вернуть государство и социуму в целом контроль за женским телом и заставить их рожать: демонстрация эмбрионов беременной женщине, запрет на проведение абортов в частных клиниках, право врача отказать в проведении операции по личным убеждениям и др. Но самая серьезная рекомендация – вывод абортов из системы ОМС – пока не получила поддержки. В общественном пространстве идет постоянная дискуссия на данную тему, в том числе со стороны представителей РПЦ и общественных деятелей. Более того стали подвергаться критике женщины, откладывающие появление детей или вовсе отказавшиеся от этой идеи. Некоторые

общественные деятели, в том числе представители церкви и медицины, порой выступают с агрессивной критикой. Во многих регионах, дабы стимулировать рождение детей у молодых женщин, местные власти предоставляют льготы на поступление в вузы. Данных об успешности подобной инициативы пока нет. Помимо женщин гендерной критике и попытке вывести за поле нормального подвергаются национальные и религиозные меньшинства. Так, в нашей стране в 2013 г. был принят закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, и гомосексуальные меньшинства были лишены права появления в общественном политическом пространстве. Такая же участь постигла представителей секты «Свидетели Иеговы», запрещенной в 2017 г. Верховным судом РФ. Но, по мнению Батлер, лишенная голоса группа, тем не менее, может и должна говорить с властью, требуя расширения поля появления гендера. Объединяясь в группы, молча или через лозунги, артикулированные правовые требования, через социальные сети, исключенные могут ослабить жесткое соответствия предъявляемым гендерным нормам, расширить границы нормальности, и приобрести статус признаваемого [12].

Список литературы

1. Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. – СПб.: Алетейя, 2006. – 335 с.
2. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. – 168 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
4. Мид Дж. Символический интеракционизм – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 216 с.
5. Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 5 (19). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2001/5/muzhskaya-ekonomika-ne-doglupostej-kogda-kareru-kuesh.html> (Дата обращения: 15.09.2019 г.)
6. Обухова Е.Н. Политика гендера в перформативном измерении: дис ...к. ф.н. 09.00.11. – М., 2013. – 134 с.
7. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (Дата обращения: 15.09.2019 г.)
8. Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. – М.: Новое литературное обозрение. 2015. — 432 с.
9. Жеребкин С. Забыть/помнить Фуко. Концепция психики власти Джудит Батлер // Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. – 2002. – 168 с.
10. Зиновьева Л. Форма образа. Форменный костюм российской школьницы в прошлом и настоящем // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2013. – №26. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2966> (Дата обращения: 15.09.2019 г.)
11. Вайнштейн. О. «В соответствии с фигурой: полное тело в советской моде». URL: <http://polit.ru/article/2010/05/25/vainshtein/> (Дата обращения: 15.09.2019 г.)
12. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 248 с.

Samovolnova O. V. Understanding of Gender Performativity: the Impact of Performative Statements on Formation of Gender Subject // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 39–47.

The article analyzes how performative speech acts (including unspoken ones) form the discursive constructs of normality or abnormality and how they affect the formation of gender subject. This determines the relevance

of the work, given the modern understanding of gender as the result of numerous primitive acts. The novelty of the work consists in the use of methodological approaches in the field of gender studies to analyse contemporary social processes. Gender is seen as performative representation and the subjectivation process, executed by disciplinary discourse and interpellation appeal of the authority in the context of socio-cultural practices. It is noted that the state plays a key role in the formation of the necessary gender subject, since most of our lives pass in the space that regulates the state apparatus. This process is carried out not only through speech discourse, but even in the case of silent interpellation, when no one speaks a word. For example, in the process of filling out forms, questionnaires, censorship, employment, in newspaper articles. It is described that in order for the subject to be recognized by society, it is necessary that it be constructed within the framework of the norms set by the state, including corporal, and be activated in the field of appearance of gender. This mechanism is considered as an example of monitoring female bodies that are constantly stigmatized, standardized, and labeled for whatever signs are normal or abnormal depending on the goals of the state. However, not only women, but also national, religious and sexual minorities, as well as pensioners and children, face gender repression.

Keywords: gender, performativity, interpellation, sex, subjectivity

References

1. Ostin Dzh. Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty [Philosophical Papers]. St. Petersburg, Aletheia, 2006, 335 p.
2. Batler Dzh. Psihika vlasti: teorii sub"ekcii [The Psychic Life: Of Power. Theories in Subjection]. Kharkov, KCGS, St. Petersburg, Aletheia, 2002, 168 p.
3. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [Problems in General Linguistics]. Moscow, Progress Publ, 1974, 448 p.
4. Mid Dzh. Sivolicheskij interakcionizm [Symbolic Interactionism]. Moscow, MSUPress, 1994, 216 p.
5. YUrchak A. Muzhskaya ekonomika: «Ne do glupostej, kogda kar'eru kuesh» // Neprikosovennyj zapas [Male economy: "Not to stupid things when you career career"// NZ Russian journal]. Moscow, 2001, URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (Accessed: 15.09.2019)
6. Obuhova E.N. Politika genдера v performativnom izmerenii [Performative Gender Policy], Candidate's thesis, Moscow, 2013, 134 p.
7. Al'tyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Ideology and Ideological State Apparatuses] NZ Russian journal, Moscow, 2011, №3 (77), URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (Accessed: 15.09.2019)
8. Konnell R. Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika [Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics], Moscow, Polity Press, 2015, 432 p.
9. ZHerebkin S. Zabyt'/pomnit' Fuko. Konceptiya psihiki vlasti Dzhudit Batler// Batler Dzh. Psihika vlasti: teorii sub"ekcii [Forget / Remember Foucault. Judith Butler The Psychic Life: Of Power. Theories in Subjection], Kharkov, KCGS, St. Petersburg, Aletheia, 2002, 168 p.
10. Zinov'eva L. Forma obraza. Formennyj kostyum rossijskoj shkol'nicy v proshlom i nastoyashchem // Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kul'tura [In Uniform Image: Girls' School Dress in Russia Past and Present] Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture, Moscow, NLO, 2013, №26. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2966> (Accessed: 15.09.2019).
11. Vajnshtejn. O. «V sootvetstvii s figuroj: polnoe telo v sovetsoj mode» [According to the figure: full body in the soviet fashion] URL: <http://polit.ru/article/2010/05/25/vainshtein/> (Accessed: 15.09.2019)
12. Batler Dzh. Zametki k performativnoj teorii sobraniya. [Notes a Performative Theory of Assembly], Moscow, Ad Marginem, 2018. 248 p.